

Цензура, которую мы потеряли

Аркадий АРКАНОВ,
сатирик:

— Много лет назад мы с Гришей Гориним написали нашу первую пьесу «Свадьба на всю Европу». Она страшно понравилась Николаю Павловичу Акимову, и он решил взять ее для постановки. «Свадьбу» утверждали на коллегии Министерства культуры: в течение двух часов пьесу разносили по косточкам. То, что ее запретят, было ясно и мне, и Грише, и Николаю Павловичу. Долбали и за отсутствие идейности, и за художественную несостоятельность, и за то, что не смешно... Настал момент финального, рассекающего яремную вену удара, но тут в зал коллегии вошел начальник управления театров. Он сел во главе стола, светло улыбнулся, и сказал: «Ну что, обсуждение складывается благоприятно? Значит, будем разрешать».

Вслед за этим поднялся дружный хор: «Да, пьеса замечательная. Пьеса прекрасная! Мы сделали маленькие замечания, но Николай Павлович Акимов, как блестящий режиссер и опытный руководитель театра, все это, разумеется, учтет. Да и молодые, талантливые, подающие большие надежды авторы, конечно, примут их во внимание...»

Пьесу приняли в ту же секунду, никаких замечаний мы не учитывали.

Этому предшествовала еще одна история. За два дня до обсуждения Гриша дал пьесу дочери Екатерины Алексеевны Фурцевой, тогдашнего министра культуры. Дочке пьеса понравилась, и она показала ее маме. Мама прочитала пьесу, вспомнила историю своей жизни и страшно расчувствовалась.

Однажды, когда она работала секретарем райкома и должна была инспектировать детский сад, туда завезли одежду и красивые игрушки. А когда она уехала, одежду и игрушки у детей забрали. Наша антипоказушная пьеса

ВИКТОР АХЛОНОВ

все это ей напомнила, она расстрогалась и пришла в дикий восторг. На главной коллегии министерства, где присутствовал и наш благодетель, начальник управления, она сказала, что пьеса хорошая и ее обязательно надо ставить. Начальник управления, разумеется, пьесы не читал — но понял, что обсуждение должно сложиться благополучно.

Так и вышло.

Вторая история печальной — в 1984 году в издательстве «Советский писатель» готовилась моя книга. В числе прочих там был полуфантастический рассказ: речь в нем шла о некоем космонавте. Рассказ начинался с того, что его отстранили от полетов — космический гуманист отказался обстрелять неопознанный космолет. Все шло прекрасно, книга была сверстана, но за три недели до ее выхода наш летчик сбил южнокорейский лайнер. Начался международный скандал, — как выяснилось, он имел прямое отношение ко мне. Трясущийся редактор вызвал меня в издательство и потребовал немедленно вырезать все, что имеет отношение к пощаженному моим героем космолету: «Это абсолютно невозможно, тут есть прямые аналогии с камчатским инцидентом!»

И я собственными руками изуродовал рассказ: понять, в чем тут дело и чем хорош мой герой, после этого стало нельзя.

Алексей ФИЛИППОВ

Известия. - 1999 - 8 Дек. - с. 10